

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Жулковского Б. Е. «Жанр кондака в украинском церковно-моноподийном пении XV – XIX веков», представленную на соискание ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 17.00.03 – музыкальное искусство.

Актуальность темы диссертации Б. Жулковского должна оцениваться в контексте той сферы научных знаний, к которой она относится. Разумеется, что с точки зрения проблем глобального изменения климата и новых устрашающих мутаций вирусов, проблема изучения кондаков православной церкви представляется малозначительной. Однако в масштабе проблематики музыкальной медиэвистики, а также в контексте всеобщей теории жанра в музыке тема работы диссертанта является, без сомнения, важной и актуальной. Отмечу факторы ее актуальности.

Первый фактор – исключительная важность песнопений в жанре кондака для обрядов христианской религии, в первую очередь – церковных обрядов Православия. Изучение более чем тысячелетней истории этого певческого жанра проливает новый свет на содержание и формальные свойства всего восточно-христианского религиозного искусства.

Второй фактор – обилие слабо обоснованных и противоречивых суждений, неподтвержденных гипотез, неясных теоретических конструкций в научных знаниях о жанрах церковной музыки, в частности – о кондаках.

Третий фактор состоит в том, что кондак – один из тех феноменов культуры, изучение которого может способствовать совершенствованию методики жанрового анализа аретфактов духовной музыки.

Наконец, последний (по порядку, но не по важности) фактор актуальности диссертации Б. Жулковского заключается в незаслуженно малой изученности кондаков, относящихся к украинской музыкально-поэтической традиции, в необходимости их систематического описания и научного осмысления.

Диссертант поставил своей **целью** «осмыслити жанр кондака як комплекс взаємопов'язаних ознак і його втілення в українському церковно-моноподийному співі XV–XIX ст.». Сформулированной двойной цели диссертант Б. Жулковский благополучно достиг. Ему удалось: а) по-своему осмыслить комплекс признаков, сопоставленный с жанром «кондака»; б) описать «воплощение» этого комплекса в нотных текстах, содержащихся в украинских рукописных и нотопечатных богослужебных книгах.

Список задач работы весьма внушителен. Он включает семь пунктов и свидетельствует о широте фронта исследования, о серьезной культурологической, исторической, теоретической, источниковедческой проблематике. Ни одна из заявленных задач не была забыта. Все они, с той или иной степенью полноты и успешности, получили решение в работе.

Список методов, предъявленный во введении, свидетельствует о том, что диссертант – не самый крупный специалист в области научной методологии. Забавно в контексте диссертационного исследования звучит

выражение «*поисковый метод*». Этот термин используют применительно к процессу обучения. А научная работа всегда должна быть поиском решений поставленных задач. Так же странно читать о применении в музыковедческой работе «*музыковедческого метода*». И что это вообще такое? Выражение «*литургический метод*» тоже сомнительно. Несмотря на огрехи в описании методов, диссертация Б.Жулковского отнюдь не является методически ущербной. Автор успешно опирается на методы структурно-функционального анализа, сравнительного изучения словесных и музыкальных текстов, тематического анализа музыкальной композиции и другие хорошо апробированные методы искусствоведения.

Структура диссертации отличается ясностью и продуманностью. Все разделы работы логически оправданы и связаны между собой, что является важным достоинством работы.

Главные достижения диссертации таковы:

1. Прежде всего нужно сказать, что Б. Жулковский очень сильно постарался освоить обширный массив литературных источников, содержащих информацию о кондаках, а также обо всем, что косвенно относится к этому жанру, или может пролить свет на его свойства. Замечательно, что привлеченные информационные источники относятся к разным областям знания, в частности: к истории художественной культуры и религии, к проблемам филологии, палеографии, теологии, литургики, теории музыкального жанра.

Стоит отметить, что в списке литературы содержится около 80 названий работ зарубежных авторов на английском, немецком, французском, испанском, греческом, польском, сербском языках. Хорошо представлены исследования современных российских и белорусских специалистов. Все источники упомянуты в основном тексте. Многие из них получают на страницах диссертации краткую и достаточно внятную аннотацию. Изредка излагаемым суждениям сопутствуют беглые критические оценки диссертанта. В развернутые и основательно аргументированные дискуссии автор не ввязывается.

В целом, осуществленный в диссертации обзор работ, где с той или иной стороны освещается предмет исследования, предоставляет Б. Жулковскому, а заодно и читателю, достаточный объем фактов и теоретических посылок для дальнейших размышлений о жанре кондака.

Первый раздел работы, где автор знакомит читателя с собранными источниками и состоянием изученности проблемы, имеет самостоятельную научную ценность. Он может быть рекомендован к изданию в виде статьи или брошюры. Однако, ввиду обилия одинаковых, почти одинаковых, сходных, едва сходных, различных и противоположных суждений, касающихся жанра кондака, необходимо привести их к нескольким ясно обозримым «общим знаменателям».

2. Второе значительное достижение состоит в том, что автор проделал очень большую и плодотворную поисковую работу. Он разыскал, изучил и, что очень важно, систематически описал обширный массив рукописных и

нотопечатных источников, которые хранятся в архивных, библиотечных и музейных фондах Украины и зарубежья.

Показательно, что автор не оставил без внимания рукописи и печатные издания, в которых отсутствует музыкальная нотация. Это оправдано, поскольку для понимания и интерпретации кондаков важны литургические, тематические, поэтические и другие немзыкальные свойства песнопений. На основании нотированных источников автор предложил в третьем разделе работы своеобразную реконструкцию репертуара украинских кондаков XV–XIX веков. Б.Жулковский составил шесть инципитных каталогов кондаков, которые упорядочены в соответствии с тремя принципами: *хронологическим*, *алфавитным* и *гласовым*. Автор замечает – какие песнопения встречаются в Минеях Праздничных и в Триодях. Он проделал также статистический анализ распределения кондаков по гласам и выяснил, что «большинство образцов относится к 8-му гласу, один (воскресный) – к 5-му гласу». Анализ подтвердил и тот факт, что большинство украинских кондаков относятся к типу «подобных».

Столь же тщательно диссертант собрал информацию о нотированных письменных и печатных сборниках, содержащих напевы кондаков. Судя по описаниям конкретных музыкально-поэтических текстов, которые даны в четвертом разделе работы, часть обнаруженных Б. Жулковским образцов жанра имеет не только научную, но и художественную ценность. Следует подумать о возможности включения наиболее ценных образцов в научный и музыкально-исполнительский обиход посредством публикации хрестоматии.

3. Третье важное достоинство диссертации – ее научно-проблемный характер. Прежде всего, нельзя не заметить, что работа затрагивает фундаментальные вопросы всеобщей теории художественного жанра. В связи с этим она обнаруживает многие ее несовершенства. В размышлениях диссертанта о кондаках выявился ряд типичных проблемных точек распространенной методики жанрового анализа. Б. Жулковский заставляет нас снова задуматься о смыслах таких слов, как «жанр», «жанровая система», «жанровые признаки», «жанровый стиль» и т. д.

Диссертация ставит также «во весь рост» проблему жанровых систем христианской богослужебной традиции. Сложность этой проблемы чрезвычайно велика. Она связана, во-первых, с огромным историческим периодом становления этой системы. Некоторые ученые полагают (например, Т. Владышевская), что система литургических жанров, сложившаяся в Византии, не подвергалась трансформации, что она дошла в первоначальном виде до нашего времени в практике православной церковной службы. Однако есть свидетельства (в том числе и в рецензируемой диссертации) того, что система певческих жанров меняла свою структуру в соответствии с постоянно обновляющимися условиями и содержанием богослужения. Во-вторых, сложность анализа жанровой системы песнопений Христианской церкви обусловлена неохватной множественностью её этнических и географических вариантов. В-третьих, системные связи элементов (в данном случае – жанров) отличаются нестабильностью,

пластичной изменчивостью. Сами же элементы – собственно жанры – обладают расплывчатыми границами и, в связи с этим, исключительно высокой способностью к смешению, слиянию, мимикрии, «диффузии» (это слово, на мой взгляд, удачно применил в тексте Б. Жулковский).

4. Отмечу также некоторые значительные частные результаты исследования, заслуживающие доверия и одобрительной оценки.

Выявленная автором принадлежность большинства напевов кондаков из украинско-белорусских нотолинейных Ирмологионов XV–XIX веков к болгарскому распеву косвенно подтвердила высказанную некогда Смоленским, Вознесенским и Антоновичем гипотезу о том, что кондакарный певческий стиль, воспринятый в свое время церковью Киевской Руси от Византии, постепенно трансформировался в *демественный* или *болгарский* распев.

Интересно полученное на материале западно-украинских кондаков 19 века умозаключение о существовании двух региональных разновидностей певческой традиции: галицкой и карпатско-русской;

Привлекает внимание выявленный диссертантом ряд типичных вариантов построения музыкально-тематической композиции украинских кондаков монодийной традиции. Б. Жулковский пока только констатировал преобладание строфических и вариантно-строфических, однотемных и многотемных композиций (аналогичных куплетной песенной форме). В некоторых типичных построениях он усматривает признаки рондальной композиции. Эти наблюдения желательно продолжить на более широком музыкальном материале. Они открывают интересную перспективу осмысления музыкально-драматургических оснований подобного композиционного построения, ведут к пониманию музыкально-художественного смысла напевов.

Уверен, что специалисты в области восточнославянской церковно-певческой традиции, досконально знающие специфический материал церковно-певческих книг, найдут гораздо больше новых фактов и ценных для этой отрасли научных суждений, представленных диссертантом.

Естественным следствием проблемного вектора диссертационного исследования является обилие в нем дискуссионных или недостаточно ясных положений. Наибольшее их число связано с принятой автором на вооружение концепцией музыкального жанра, а также методикой жанрового анализа. Отмечу некоторые изъяны этого плана работы.

1. Во-первых, Б. Жулковский не выбрал подходящего для себя определения категории жанра. После ряда цитат и пересказов разных суждений, никакого собственного определения жанра, или присоединения к какому-то суждению не последовало. Эта теоретическая неопределенность не лучшим образом сказалась на дальнейшем изложении.

2. Во-вторых, было бы полезно с самого начала признать, что жанровое имя «кондак» – это не научный термин, а естественный жанроним, рожденный практикой христианского богослужения. Поэтому его значение варьируется весьма широко в зависимости от формы и содержания

богослужебной практики. Принятие такой оговорки избавило бы диссертанта от многих двусмысленностей.

3. В-третьих, диссертант недостаточно четко осознал свой метод жанрового анализа. Он полагает, что соединил в работе «методики И. Гарднера, Ирины Безугловой и Елены Шевчук». Разумеется, эти авторы не ответственны за то, как их подходы совмещаются в аналитических операциях диссертанта. Характеристику жанра кондака Б. Жулковский старается осуществить «...на основании совокупности и взаимосвязей восьми жанровых признаков, а именно: 1) содержание вербального текста; 2) место в богослужении (функция); 3) частотность исполнения; 4) способ исполнения; 5) соотношение текста и напева; 6) градация распевности; 7) композиция; 8) эволюция» (с. 50).

Замечу, что данный список репрезентирует не признаки жанра кондака, а только свойства, которые могут стать признаками, критериями жанровой атрибуции. Это не простая словесная придирка, а важный теоретический нюанс. Его понимание должно было привести диссертанта к следующему вопросу: какое свойство, или какие сочетания свойств необходимы и достаточны для констатации факта принадлежности того или иного песнопения к жанру кондака? К примеру, сольный декламационный способ исполнения – это один из называемых диссертантом признаков изучаемого жанра. Очевидно, что одного этого признака мало для отнесения конкретного песнопения к кондакам. А сколько и каких признаков будет достаточно?

Кроме того, в принятой Б.Жулковским совокупности критериев жанровой атрибуции кондаков есть параметры оценки песнопений, которые «пересекаются» (степень распевности – это, собственно, один из планов соотношение текста и напева). Взаимозависимы также первый, второй и третий параметры (функция напева в богослужебном чине обусловлена его тематикой, а тематика предопределена функцией, частота его использования и способ исполнения коррелируют и с функцией, и с тематикой и т. д.). В то же время, некоторые «признаки» кондака относительно независимы друг от друга. Так, скажем, свойства композиции в большой степени зависят от структуры словесного текста, но уже в меньшей степени – от типа взаимодействия текста и мелодии, и не зависят от частотности исполнения кондака. Что же касается «эволюции», то это свойство песнопения не может быть релевантным признаком жанра кондака, потому что развитие (в любом смысле этого слова) – универсальный признак всех музыкальных жанров.

Отмеченные проблемы методики анализа причинили ряд нечетких умозаключений относительно жанровых свойств кондака. Складывается впечатление, что слово *кондак* относится не к одному, а к нескольким жанровым феноменам. Эти феномены имеют различные исторические судьбы в разных регионах Евразии. Они соотносятся с разными, порой принципиально отличными стилями (сольная речитация, антифонное пение, респонсорий, сольный виртуозный гимн); с разными способами музыкальной нотации (невменная, кондакарная, нотолинейная). Они имеют разные функции в христианской богослужебной традиции (одни кондаки входят в

канон литургии, другие относятся к паралитургическим жанрам). Литургические функции кондаков, в частности их местоположение в структуре службы тоже различны («на продолжении полуторатысячетелетнего бытования кондак изменял место в богослужении...» (с. 78).

Если это так, то замысел диссертанта представить кондак как один жанр с ясно определенным набором из 8-ми признаков не может быть реализован. Для науки – это важный положительный результат. Он позволяет сделать вывод, что кондак – это не что-то *одно*, а *многое разное*. Такое суждение может стать отправным пунктом для дальнейших исследований кондака как жанровой целокупности или даже системы родственных жанров.

Предполагая такую перспективу развития исследования, поставим ряд вопросов, призванных уточнить теоретический подход Б.Жулковского:

1. Как, по мнению диссертанта, выглядит вся иерархическая система литургических жанров православной традиции? Сколько в этой иерархии уровней? Как они именуются? Какое место занимает кондак в системе: каким элементом он субординирован, с какими элементами он координирован?

2. Желательно дать определения используемым в работе понятиям «субжанра» и «макрожанра». Если есть «субжанры», то должны быть и «супержанры». Если есть «макрожанры», то логика требует применения термина «микрожанр» (или/и «мегажанр»).

3. Когда утверждается, что «большинство кондаков – однофункциональные песнопения», однако есть и «полифункциональные» (с. 61), то какие функции имеются в виду? В каком отношении к этой типологии находятся «храмовые кондаки»? Они дисфункциональны?

4. На каком основании композицию напева типа ААААВ можно назвать «односегментной» (с. 173)? Что такое сегмент, если не «отрезок»?

В завершение отзыва выскажу несколько замечаний о тексте и оформлении работы.

Литературный стиль изложения не вызывает упреков. Он обнаруживает склонность и вкус автора к деталям, фактическим подробностям. Оформление текста отличается аккуратностью.

Вместе с тем, ощутимым неудобством для читателя, в особенности, не погруженного в глубины музыкальной медиевистики, литургики, гомилетики, составляет отсутствие ясных и кратких дефиниций. Нет, скажем, дефиниции титульного термина работы. Тщетно искать в тексте высказывания типа «Кондак-моностроф – это...». Если вообще невозможно сформулировать определение, то это нужно обосновать, оправдать, хотя бы оговорить. В защиту диссертанта скажу, что задача определения кондака действительно чрезвычайно тяжела. Но стоило, по крайней мере, попытаться.

Второй недостаток текста диссертационной работы состоит в том, что в нем не всегда достаточно ясно выражено: какие положения истории и теории кондака общеизвестны и уже доказаны, какие из них относятся к области дискуссии и требуют проверки, а какие (это самое главное!) представляют собой *догадки, наблюдения и утверждения самого диссертанта*. К сожалению, этот недостаток оформления присущ и тесту выводов.

Итак, подытожим, диссертация Б. Жулковского «Жанр кондака в украинском церковно-моноподийном пении XV – XIX веков», представленная на соискание ученой степени кандидата искусствоведения, представляет собой актуальное, самостоятельное, завершённое, трудоемкое и плодотворное исследование. Наиболее ценные и достоверные научные результаты, представленные в диссертации Б. Жулковского, принадлежат области накопления знаний и фактов, их систематизации, их тщательного и многостороннего описания, их типологического осмысления. Автор проявил незаурядные способности, необходимые для такого вектора научной работы: разностороннюю эрудицию, знание иностранных языков, понимание форм и содержания обрядов христианской православной церкви, профессионализм палеографа, умеющего работать с певческими рукописями и древними печатными книгами.

Диссертация вводит объемный документально-исторический и нотографический материал в круг объектов научного изучения. Выводы, к которым самостоятельно пришел Б. Жулковский, или которые он подтвердил в ходе кропотливого анализа, отличаются новизной и научной обоснованностью. Положения работы могут найти практическое применение в учебных курсах истории музыки, в музыкально-просветительской литературе. Художественно совершенные образцы украинских кондаков и комментарии к ним могут быть изданы в виде хрестоматии, полезной для образовательной и музыкально-исполнительской практики.

Работа соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям в Украине. На этих основаниях специализированный совет может присудить Б. Жулковскому научную степень кандидата искусствоведения по специальности 17.00.03 – музыкальное искусство.

Доктор искусствоведения,
профессор кафедры музыкального искусства
и хореографии Южноукраинского национального
педагогического университета имени К.Д.Ушинского

Шип С. В.

